водчика и издателя текстов житий и Сказания Храбра (напомним, что сами тексты занимают всего лишь 33 страницы книги, т. е. 1/6 ее листажа!) — неудачно размещены с титулами семь фамилий членов редколлегии серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», которые должны бы находиться под этим названием именно серии, т. е. на второй полосе книги. В результате рецензируемый компонент серии остался без автора-исполнителя, а имена семи редакторов серии оторваны от ее заголовка.

Но в целом книга Сказания о начале славянской письменности является прекрасным образцом для последующих трудов названной серии, подготавливаемой Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и выпускаемой издательством «Наука».

По образному определению акад. Д. С. Лихачева, хорошая книга «не закрывает тему», а «намечает пути для движения научной мысли». К такого рода ценным для развития советской славистики трудам принадлежит и рецензируемая книга Б. Н. Флори. Нет сомнения, что она привлечет к себе внимание исто-

риков, литературоведов, лингвистов, а также широкий круг читателей, интересующихся истоками письменной и духовной культуры своей Родины. Не удивительно поэтому, что изданная тиражом 30 000 экз., она сразу же стала библиографической редкостью.

Жуковская Л. П., Симонов Р. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Можалева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевско проблематике. 1945—1974 гг. М., 1980.
2. *Дурново Н. Н.* Мысли и предложения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — *Byzantino-slavica*, 1929, т. I, с. 83.
3. *Дурново Н. М.* Мюнхенский алфавитарий. — *Известия АН СССР, Отдел гуманитарных наук*, 1930, сер. VII, № 3, с. 221.
4. *Trubetzkoy N. S.* Altkirchenslavische Grammatik, Schrift-, Laut- und Formensystem. — *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophische-historische Klasse, Sitzungsberichte*, 1954, Bd. 228, 4. Abhdl., S. 15—23.

Памятники московской деловой письменности XVIII в. Изд. подгот. Сумкина А. И. под ред. Коткова С. И. — М.: Наука, 1981. 318 с.

Лингвистическая общественность как у нас в стране, так и за рубежом высоко ценит и встречает с большим удовлетворением каждое новое издание памятников письменности по истории русского языка, подготовленное в Секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка под руководством С. И. Коткова в Институте русского языка АН СССР. Появление каждого нового издания как для специалистов-филологов, так и для всех тех, кому не безразлично прошлое своей Родины, судьба родного языка, — явление чрезвычайно при мечательное. Вышла в свет еще одна публикация — «Памятники московской деловой письменности XVIII века», — которая «дает наглядное представление о различных сторонах жизни населения Москвы XVIII в.» (с. 2).

В истории русского литературного языка XVIII века принадлежит особая роль — это период формирования общенационального русского языка и его норм. Именно в XVIII в. происходит формирование норм современного словоупотребления, сопровождающееся интенсивным (подчас необязательно сложным и противоречивым) процессом развития всей языковой системы этого времени. В недавно вышедшей монографии «Истоки и судьбы русского литературного языка», освещающей проблемы становления национального русского языка, Ф. П. Филин пишет: «XVIII век справедливо называется переломным в истории русского языка. О нем имеется уже обширная лингвистическая литература... Но написан-

ное о языке этого века — только начало его изучения. Подавляющее большинство письменных произведений и документов XVIII в. в языковом отношении остается еще не обследованным [1]. «Поэтому первой, насущной задачей в области исторической лексикологии русского языка XVIII в., — замечает Ю. С. Сорокин, — является всемерное расширение круга изучаемых источников» [2]. Ср. также высказывание В. В. Иванова: «...издание... памятников и их изучение может привести и уже приводит к пересмотру определенных устоявшихся представлений об истории тех или иных явлений в русском языке» [3]. Вот почему уже само по себе опубликование «Памятников Московской деловой письменности XVIII века» представляет для лингвистов большую ценность.

Рецензируемая книга состоит из введения (с. 3—10), публикации текстов (с. 13—203), указателя слов (с. 204—265), указателей собственных имен: личных имен (с. 266—279), географических названий (с. 279—281) и фотокопий некоторых публикуемых текстов, представляющих все группы источников.

Во Введении дается детальная характеристика опубликованных материалов, которые представляют почти все десятилетия XVIII в., подробно характеризуются особенности их содержания, вы является значение опубликованных источников для разработки проблемы формирования русского литературного языка и изучения самых разнообразных вопросов его истории.

В публикации представлены пять групп источников: 1) Письма жителей Москвы (№№ 1—120); 2) Сказки жителей Москвы об имущественном состоянии, торговле и прочем (№№ 121—181); 3) Допросы мастеровых людей московской суконной фабрики (№№ 182—204); 4) Допросы, ответы и ведомости служащих московских учреждений о пожаре 29 мая 1737 г. (№№ 205—254); 5) Челобитные жителей Москвы (№№ 255—300); 6) Фрагменты судебных дел (№№ 301—302).

Таким образом, рецензируемое издание содержит более трехсот текстов, ранее не опубликованных. По своим языковым характеристикам опубликованные материалы делятся на две группы: группа источников, связанная с эпистолярным жанром, — материалы бытового и делового письма (письма Куракиных, Голяциных, М. М. Щербатова, А. Д. Меньшикова) и группа источников собственно деловой письменности.

Основной характерный признак образования национального литературного языка, его лексической системы — глубокое взаимодействие систем письменного и разговорного языка, органическое сближение ранее обособленных и отчетливо противопоставленных генетических пластов лексического запаса.

Именно с этой точки зрения чрезвычайно важна рассматриваемая нами публикация памятников. «В сравнении с другими материалами, — указывается во Введении, — эта группа источников в большей мере соотносится с разговорной речью. В письмах содержится как бы непосредственное обращение к собеседнику, сообщается о делах и событиях самого различного свойства, находят яркое отражение чувства и переживания писавших» (с. 3). Для изучения устной разновидности литературного языка наибольшую ценность, как отмечается во Введении, представляют «собственно ручные письма (автографы) лиц, о которых известно, что по рождению и жизни они связаны с Москвой, лиц, которых с уверенностью можно считать москвичами» (с. 3—4). Индивидуальный стиль, манера письма характеризует письма М. М. Щербатова. Живая разговорно-народная стихия московской речи сочетается в этих письмах с высокой письменной культурой, т. к. их автор — человек весьма для того времени образованный. Ср., например, письмо (№ 84) М. М. Щербатова к сыну Д. М. Щербатову (16 ноября 1783 г.): (л. 85) Друг мой князь Дмитрий Михайлович | Вчерашней день получилъ я отъ тебя письмо, в которомъ | ты мнѣ пеняешь что давно отъ меня писемъ не | получаешь. пеня твоя мнѣ приятна, ибо ано отъ любви | твоеи происходитъ. но ты знаешь мои дружъ какъ | я разными дѣлами занятъ, и севодня всталъ бы не | в четвертомъ часу поутру встали, то бы мнѣ не | когда было къ тебѣ писать. при семь посылаю | къ тебѣ ассигнацію на сто рублевъ, и увѣдомляю я | тебя что мы слава богу все здаровы. въ прочемъ | препоручая тебя въ милость божию я есть | отецъ твой | князь Михаилло Щербатово | Москва | ноября 16 числа | 1783 года. | (с. 67).

Разнообразная тематика писем, отражающая повседневный быт москвичей, определяет и лексический состав этой группы источников. Словарный состав писем прежде всего связан с обиходно-разговорной лексикой.

Вторую группу источников рецензируемой книги составляют сказки, допросы, челобитные, записанные служащими московских учреждений и представляющие собой разные типы памятников деловой письменности. Эта группа изданных текстов касается самых разнообразных сторон повседневной жизни москвичей. Так, например, большая часть опубликованных сказок дает представление о жизни фабричных людей, рабочего класса того времени. Допросы, ответы служащих московских учреждений рассказывают о пожаре, случившемся в Москве 29 мая 1737 г., и содержат в себе описание ряда конкретных бытовых ситуаций. Разнообразные обстоятельства повседневной жизни читатель найдет и в челобитных жителей Москвы, написанных в Московскую полиграфическую канцелярию. Поэтому эти материалы выразительно отражают как народно-разговорный язык этого периода, так и традиционный язык деловой письменности, бесспорно имеющий на себе воздействие письменной традиции.

Большую ценность в рецензируемом издании представляют указатели. Указатель слов дает исследователю возможность сориентироваться в богатейшем материале, иллюстрирующем специфику употребления тех или иных слов в языке XVIII в. Указатель собственных имен, включающий личные имена и географические названия, представляет самостоятельную ценность в плане исследования вопросов, связанных с изучением ономастики и топонимии. Интерес представляют также фотокопии некоторых опубликованных источников, которые дают читателю представление о палеографических особенностях изданных текстов.

Рецензируемое издание, подготовленное А. И. Сумкиной, как и все предыдущие издания этого Сектора, является образцом высокой культуры издания текстов. Рассмотрим опубликованные источники с точки зрения их лингвистической содержательности.

Лингвистические данные источников рецензируемого издания вносят существенный вклад в разработку проблемы формирования русского литературного языка. Опубликованные тексты представляют собой ценный материал для изучения прежде всего сфер употребления и взаимоотношения различных стихий русского языка XVIII в. Уже начиная с XVII в. происходит сближение (в XVIII в. этот процесс становится все более активным) двух норм языкового выражения; церковнославянского и собственно русского языка, противопоставление которых было характерно для более ранних периодов развития языка. В опубликованных источниках наблюдаются факты такого тесного взаимодействия. Материалы рецензируемого издания обогащают наши представления в изучении проблемы соотношения церковнославян-

ской и русской стихий в языке XVIII в., одной из важнейших в истории образования русского литературного языка.

Различные функционально-стилистические перемещения в русском литературном языке XVIII в., взаимодействие двух генетико-стилистических стихий были тесно связаны с процессами обогащения словарного состава этого времени иноязычной лексикой. И с этой точки зрения опубликованные тексты представляют бесспорный интерес. Так, необычайно активной сферой употребления иноязычных слов была частная переписка; особенно широкое функционирование заимствованных слов наблюдалось в письмах образованных людей того времени. Ср., например, в этом плане отрывки из писем Василия Борисовича Голицына брату Владимиру Борисовичу Голицыну: [Што касаетца да брата князь Алезандра Михайловича я вам ево в а я ж в первам писме обстоятелна аписывал... (Письмо № 21, 8 апреля 1771 г.)... радуясь сердешна што вам деревня | поправилась даи богъ весела здарова и благопалучна пажить са всеи | вашей θ а м и л и е я: (там же); ... и без лука | вства вам донашъ я вижу из писемъ вашыхъ | што вамъ гончие сабаки правютца такъ отдаю | на вашу дискрецию и честь приказать зделать | имъ всемъ роспись какъ маладымъ такъ и ста | рымъ и сколько вамъ | хочетца изъ | оныхъ иметь | те отметить и оную ве | домось размотать | ка мне | прислам... (Письмо № 25, 17 мая 1771 г.) (разрядка наша. — С. К.).

Общезвестно, какое важное место отводится роли московского койне в формировании устной разновидности русского литературного языка. Рецензируемые источники представляют собой богатейший материал и для изучения состояния разговорного языка Москвы XVIII в.

Опубликованные источники представляют собой ценный материал и для исследования собственно историко-лексикологических проблем, связанных с изучением как лексических микросистем XVIII в. (лексико-семантических полей, тематических и синонимических групп лексики), так и истории отдельных слов. В рецензируемой книге широко представлены, например, тематические группы слов, обозначающих самые разнообразные наименования {бытовой лексики: наименования строений 'и их частей (ср. *дом, хоромы, изба, горница, комната, светелка, чердак, клеть, подклеть* и др.), наименования вещей домашнего обихода (*оловяник, кулан, ендова, потсвешник* и др.), наименования тканей (*грезет, миткаль, атлас, кисей, бархат, терцель*), интересны группы лексики, обозначающие цвет, названия одежды, наименования различных садовых цветов.

Опубликованные тексты дают нам ценную лингвистическую информацию и в области терминологической лексики. Так, интересную терминологическую группу, обозначающую наименования лиц по профессиям, связанным с производством сукна, находим в Сказках жителей Москвы об имущественном состоянии, торговле и прочем: *ткач,* *прядильщик,*

шпильник, картощик, шерстосниматель, парсовщик, парсовый ученик, шкробольщик, суконщик, суровых сукон подмастерье (подмастер) и др. (с. 5). Читатель находит самые разнообразные терминологические сочетания со словом *ряд*, относящиеся к сфере торговли и обозначающие «лавки на рынке, расположенные в одну линию и предназначенные для торговли однородными товарами»: *соляной ряд, мучной ряд, зеленый ряд, овощной ряд, рыбный ряд, мясной ряд, ветчинный ряд, масляный ряд, медовый ряд, сапожный ряд, подошвенный ряд, саидашный ряд, котельный ряд, железный ряд, оконешный ряд, книжный ряд, шелковый ряд, ветошный ряд, скорняжный ряд, москательный ряд.*

Рецензируемый труд представляет бесспорный интерес и с точки зрения исследования грамматического и синтаксического строя Московской деловой письменности. «... Публикуемые тексты, — как указывает во Введении А. И. Сумкина, — представляют определенный этап становления русской пунктуации и могут быть использованы для истории ее изучения» (с. 10).

У рецензента имеется лишь одно замечание: насколько оправданным является включение частной переписки в жанр памятников деловой письменности XVIII в.

Сам издатель четко различает источники, включенные им в жанр памятников деловой письменности XVIII в. Так, например, в начале Введения, где дается характеристика опубликованных в данном издании текстов, говорится о двух их видах, отражающих «некоторые черты обиходно-разговорного языка Москвы XVIII в. и определенные нормы деловой письменности» (с. 3). На с. 6 также разграничивается частная переписка и разные виды актовой письменности. На с. 9 того же Введения А. И. Сукина, говоря о значении изданных текстов в области изучения синтаксических средств и делая определенные наблюдения над синтаксическим строем Московской деловой письменности XVIII века, пишет: «В языке XVIII в., как и в более раннюю эпоху, происходит дальнейшая дифференциация средств, свойственных разным сферам общения. В публикуемых текстах наблюдаются различные сочетания сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций, одни из них в большей мере характерны для актовой письменности, другие — для эпистолярной» (разрядка наша. — С. К.) (с. 9).

Таким образом, публикатор последовательно разграничивает для XVIII в. частную переписку и памятники деловой письменности как источники разной сферы письменного наследия этого периода. Тогда у читателя возникает вопрос: почему же все-таки материалы частной переписки в языке XVIII в. в рецензируемой книге отнесены к памятникам деловой письменности? Во Введении следовало бы, хотя бы очень кратко, затронуть эту проблему. Другое дело, что деловой язык уже во второй половине XVII в., в отличие от делового языка эпохи средневековья, представляет собой развитую по-

лифункциональную систему [4]. Наме-тившееся во второй половине XVII в. расширение сфер употребления делового языка в сопоставлении с церковнославянским в XVIII в. протекает значительно интенсивнее. В этот период деловой язык обслуживает самые разнообразные сферы: научную, техническую, юридическую, а также собственно литературные жанры (публицистические произведения и газеты, эпистолярный жанр).

Однако причислить частную переписку как жанр к памятникам деловой письменности XVIII в., думается, не совсем правомерно. Аналогичные источники разграничиваются даже для XVII в. Такое разграничение, хотя с некоторой оговоркой, проводится публикаторами в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века» [5].

Высказанное замечание несколько не снижает самой высокой оценки (о чем было сказано выше) рецензируемой книги. Бесспорно, что книга, изданная А. И. Сумкиной, внесет свой весомый вклад

как в изучение истории русского литературного языка в целом, так и в частности в изучение языка одного из его интереснейших периодов — XVIII века.

✻

Смолина К. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филлин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 119.
2. Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в.— В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 8.
3. Иванов В. В. Актуальные проблемы современной исторической русистики. ФН, 1978, № 5, с. 31.
4. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. М., 1974, с. 7.
5. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968, с. 5.

Mori O. Frases infinitivas preposicionales en la oración significativa causal. Estudio contrastivo español-inglés. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1980. 215 p.

Книга О. Мори заслуживает самого серьезного внимания со стороны языковедов, интересующихся вопросами построения речи. В ней представлен обширный материал, раскрывающий наиболее сложные проблемы сравнительно-сопоставительного языкознания¹.

Когда мы обращаемся к серьезной работе, которая поражает исключительной тщательностью и обилием материала, то, естественно, возникает большое количество вопросов. Для того, чтобы придать этим вопросам большую конкретность, остановимся на содержании книги, посвященной систематическому сопоставлению испанских и английских конструкций: «*para* + инфинитив», «*a* + инфинитив», «*por* + инфинитив», и, с другой стороны, «*in order* + глагольная основа», «*so as to* + глагольная основа», «*for* + номинативная синтагма (SN) + *to* + глагольная основа», и др. Эти испанские и английские обороты совпадают во многих контекстах, именно поэтому они и избираются автором книги для последовательного сопоставления. Из различных методов исследования, существующих в области сравнительно-сопоставительного изучения языков, О. Мори избирает структурно-функциональный. При этом она исходит из того, что для синтаксического исследования первостепенным было и остается взаимодействие языка и речи. Конкретно имеется в виду переход речевого значения в языковое, что дает возможность дать правильную оценку функциональным особенностям языка. Синтаксические явления поддаются представлению в виде структуры в том же смысле, что и явления фонетические.

¹ В языкознании применяется также термин «контрастивная лингвистика».

Безусловной заслугой автора книги является то, что ею проработан очень большой материал и представлена вся литература вопроса. Кроме того, автор стоит на правильных методологических позициях, свободных как от априористических «конструктов» лингвистического формализма, так и от позитивистских тенденций «описательной» лингвистики.

На конкретных примерах разъясняется применимость к данному материалу известной трихотомии Э. Косериу: «речь, норма, система». О. Мори подчеркивает, что сопоставлять языки можно только при условии, что сначала каждая из сопоставляемых систем изучается в отдельности. Иначе говоря, совершенно правильным является тезис о том, что сопоставлять можно только такие структуры, каждая из которых тщательно исследована, описана и определена. При этом должны учитываться не только языковые значения, но и значения, связанные со значением предмета речи и контекста ситуации.

В книге указывается, что значение в речи носит уникальный характер: оно представлено в отвлечении от данной формы выражения и зависит от возможной вариативности контекстуальных значений. Отсюда необходимо различение между «Bedeutung» (значением) и «Bezeichnung» (обозначением). В отличие от обозначения значение выступает как определенная ступень абстракции. Только «Bedeutung» выступает как собственно языковое явление и может быть осмыслено на уровне языковой системы. «Bezeichnung» же всегда оказывается под давлением внеязыковых факторов. Отсюда одно из наиболее важных теоретических положений книги, которое для